

Марина Хробот

The background is a painting of a street scene. On the left is a two-story orange building with arched windows and doorways. On the right is a two-story green building with arched windows. A blue building is partially visible in the background. A long, straight street leads into the distance, lined with trees and black street lamps. In the foreground, a brown dog with long white hair and a red collar stands on the street.

ВЕДЬМАЧКА
И
Китайская Фифа

Женский авантюрный роман

Марина Хробот

Ведьмачка и Китайская Фифа

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56832578
Ведьмачка и Китайская Фифа:*

Аннотация

Нина работает в клинике дерматологом. Сама она год назад сбежала из деревни под Великим Новгородом. В деревне её называли ведьмой и пришлось оставлять на маму сына Сашку и ехать в Москву на заработки.

За год у Нины появились постоянные клиенты, ведь она могла не только сводить бородавки, но и избавлять от родимых пятен и рубцов.

Но после ссоры с любимым человеком, Нина, прихватив собачку китайскую хохлатую Фифу, уехала в маленький городок, где жила её тётя. В городке происходят странные вещи. Все гоняются за целительным порошком. Водоворот приключений захватывает и Нину, и её знакомых.

Содержание

Москва. Клиника	4
Москва. Нина	16
Фифа	21
Ссора	35
Заозёрск. Людмила Дмитриевна	40
Поезд	46
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Марина Хробот

Ведьмачка и Китайская Фифа

Москва. Клиника

По ночным коридорам частной клиники уверенно вышагивала главврач, Эльза Евсеевна в медицинском халате поверх шерстяного брючного костюма. За нею шли двое мужчин одетые в костюмы такого уровня, когда вспоминаются два определения – «политика» и «бизнес». Мужчина покрупнее шел вторым иногда оглядывался, проверяя обстановку в пустом помещении. Мужчина ниже ростом, более спокойный, шел прижимая к левой щеке сложенный в несколько слоёв белый оренбургский платок. К нему и обращалась врач.

– Поверьте, Кирилл Дмитриевич, наш Иван Иванович, не только в клинике, он во всей Москве лучший, – успокаивала она. – Оборудование современное, руки лёгкие.

Сзади идущих сначала слышались быстрые тяжелые шаги, затем дыхание курильщика. Все оглянулись и увидели спешащего к ним упитанного пожилого парня в бирюзовом халате, надетом на чёрную форму.

– Это наш Пётр, охранник. – Представила парня Эльза Евсеевна.

– Угу, – ответил Кирилл, всё плотнее прижимал к щеке пуховой платок. – Серый, иди впереди, – попросил он помощника. – Мне больно на тебя оборачиваться.

Неуклюжий Пётр-Петечка опередил компанию открыл кабинет с табличкой «Стоматология» и включил свет.

Войдя в светлое помещение, Эльза указующе протянула руку.

– Вот его стол, присаживайтесь Кирилл Дмитриевич. Вы, Сергей можете занять второй стол. А Иван уже едет, будет через десять минут.

Кабинет украшали два стоматологических кресла космического дизайна, на которые Сергей старался не смотреть, а Кирилл всматривался с ужасом. Над креслами висели две телевизионные плазмы.

На столе справа от входа, куда показывала Эльза, стояла фотография в рамке.

По-хозяйски осмотревшись, Кирилл Дмитриевич подошел ближе и взял фотографию. Сейчас, в слякотную мартовскую весну, от снимка шли тепло и радость лета.

Девушка в сарафане чуть выше колена, стояла на берегу речки. На голове веноч из полевых цветов, волосы растрёпанные. Она смеялась, держа на руках светловолосого розовощёкого мальчишку лет трёх, в матросском костюмчике. А мальчишка прижимал к груди забавного щенка – Хохлатую

Китайскую собаку, с голым коричневым тельцем в пятнах. На голове торчали большие треугольные уши и длинная чёлка.

Что мальчишка, что собака, смотрели с фотокарточки необыкновенно доверчивым взглядом. Только собака коричневыми глазами, а мальчик серо-зелёными.

Под лёгким сарафаном девушки угадывалась стройная, слегка полноватая фигура. Выбившиеся из-под венка короткие волосы завитками поднимались вокруг головы к цветочному венку, создавая ореол.

– А это, Нина, жена Ивана, гражданская. – С ходу начал объяснять Петечка, хотя его голос здесь желали слышать меньше всего. – Тоже в нашей клинике работает.

Сергей встал за спиной Кирилла Дмитриевича.

– Эффектная бабеч.

Желая удержать Кирилла, Эльза нервничала и поэтому непривычно много говорила.

– Нина прекрасно работает медсестрой у дерматолога. А ещё она хозяйственная, не пьёт и не курит, нашего Ивана слушает с полслова. И дар у неё – руками лечит. Она из какого-то Кашникова, что под Великим Новгородом. Глухомань, одним словом.

– Я сам из-под Рязани. – пробубнил помощник. – И ничего в этом плохого. И мозги есть и деньги.

Кирилл с неприязнью посмотрел на громкоголосую женщину и скривился от зубной боли.

– Вы не в курсе, Эльза Евсеевна. – Кирилл плотнее прислонил пуховой платок к щеке. – Нина моя дальняя родственница. Хотя до её переезда в Москву мы никогда не общались, только виделись в гостях у моей сестры в Заозёрске... Но о её даре ведьмачки наслышаны все в Новгородской области, знакомые доложили. Вот я и обратился в вашу клинику.

Чуть приподняв брови, главврач удивилась:

– А я и не знала, что у Нины такие уважаемые родственники.

Вернув фотографию Нины на стол, Кирилл Дмитриевич продолжал рассматривать девушку. За его плечом встал Сергей.

– Карапуз у неё хороший, мой Юрка в детстве такой же был... пятнадцать лет назад. – Добавил он со вздохом. – И собака на руках смешная.

– Очень. – Согласился Кирилл. – Очень похожа на собаку моего свёкра, он таких разводит.

– Так он же... – растерялся Сергей.

– Да, был заместителем министра здравоохранения. Но хобби у Евгения Владимировича – разведение этой породы. Интересно, откуда она у Нины?

Стоящая у окна Эльза Евсеевна нервно сглотнула комок волнения. Уж она-то знала, откуда у медсестры Китайская Хохлатая собака по кличке Фифа.

– Вы, Кирилл Дмитриевич, пальто-то снимите. Сергей,

помогите ему.

Помощник Кирилла суетливо помог снять пальто и пристроил его на стул.

В кабинет без стука вошел Иван. Тридцатилетний, среднего роста, средней комплекции, в хорошем пальто и строгом костюме. Кирилл заметил, что они с Иваном чем-то похожи, только он сам на двадцать лет старше и на двадцать килограммов тяжелее.

– Всем доброй ночи, или утра. – Иван аккуратно снял пальто, повесил на вешалку в шкаф. Моя руки в идеальном по чистоте раковине, он спросил, сдерживая зевок. – Кто будет мне ассистировать, Эльза Евсеевна? Вы вызвали медсестру?

Взяв с полки новый халат салатного цвета, главврач передала его Ивану и постаралась улыбнуться.

– Я сама буду за медсестру, Ваня.

– Отлично. Приготовьте шприц с анестезией. – Тщательно намыливая руки, он обернулся к пациенту. – Кирилл Дмитриевич, садитесь в кресло. А ты, Петечка, будешь только отвлекать пациента.

Недовольно нахмурившись, охранник степенно вышел из кабинета.

Возясь с инструментами, Эльза разговаривала как бы сама с собой, но на самом деле, донося информацию до зятя самого Евгения Владимировича.

– Да-а, Нина у нас умница. Работает и одновременно учиться в медицинском. Поступила на бюджетное! Это ж кто

так может? Особенно из провинции и без блата.

– Спасибо за комментарий, Эльза Евсеевна. – Натянув перчатки, Иван сел к стоматологическому креслу. – Давайте шприц.

Через час Кирилл сидел с раскрытым ртом, с распоркой между зубами, ждал затвердения пломбы, смотрел по телевизору информационную программу и слушал Ивана.

– Моя Нина боится лечить зубы. Детский сад – трусы на лямках. В детстве её напугали в зубоврачебном кресле и теперь для неё что стоматолог, что предводитель Инквизиции монах Сованаролла, одно лицо. Как её уговорить – не представляю. Третий день с нею мучаюсь.

«Мне бы его проблемы», – думал Кирилл, глядя в телевизор с очередными новостями, не поднимающие настроение. – «Как бы помириться со свёкром? Бывших министров не бывает, а ему необходима помощь в выигрыше тендера на комплектацию нового медицинского центра. Но со свёкром отношения в последние годы разладились, жена подала на развод... И тут же он вспомнил о фотографии. Откуда у Нины щенок Хохлатой Китайской?»

Вынув изо рта пациента распорку, Иван оглядел проделанную работу и похвалил себя: «Я ювелир, я лучший».

– Закрывайте рот, Кирилл Дмитриевич. Не ешьте два часа.

– Спасибо, Иван. Передавай Нине привет.

Снимая перчатки, Иван подошел к своему столу, посмот-

рел на телефон. Часы на дисплее показывали шесть утра.

– А вы сами заезжайте к нам, наконец-то познакомимся ближе. Только не сегодня. – Иван расстёгивал халат. – Сегодня она будет или молча страдать, или сердиться. Девушка непредсказуемая.

– Верю, – кивнул Кирилл. Понимая, как действует наркоз на болтливость, он всё равно не мог сдержаться и говорил, говорил, говорил. – Но приеду к вам после только после возвращения из Заозёрска. У меня там успешный завод, кафе и сын Андрей и они все нуждаются в контроле. Но главное, я немного поспорил с женой, необходимо мириться. – Тут он указал на фотографию на столе. – А откуда у Нины такая собака? Ты подарил?

Удивлённый и слегка рассерженный вниманием не к своей работе, а к летнему деревенскому снимку своей гражданской жены, Иван пробурчал:

– Нет, не я подарил, а главврач, Эльза Евсеевна. – Сев за стол, Иван достал из ящика чистый бланк карты пациента. – Недавно стал заместителем Эльзы, вошел в совладельцы клиники. Эльзе подарил собаку кто-то из пациентов, а она мне... Челюсть держите в холоде. Сергей, помогите Кириллу Дмитриевичу встать с кресла. Заморозка отойдёт через час.

– Кому платить? Тебе? – строго поинтересовался Сергей, помогая встать Кириллу.

– Разбирайтесь с главврачом. – Убрав медицинскую карту в ящик стола, Иван встал. – Жду вас, Кирилл Дмитриевич,

в ближайшее время, иначе флюс повторится на другом зубе, у вас слабые дёсны.

Не смотря на ранний час у Кирилла зазвонил телефон.

– Алло, слушаю. – Он пришепётывал и прикрывал глаза от недосыпа вторые сутки и от освобождения от боли. Но телефонный разговор оказался интересным, и он взбодрился. – Когда?.. Сколько?.. Сколько стоит?.. А сертификаты? Китайские... – Тут он обратил внимание на телевизор, где показывали операцию на открытом сердце, оглядел кабинет. – Нам всё равно придётся закупать реанимационные кровати, десять штук. – Ладно, беру. Когда привезёте? – Он отключил телефон. – До свидания, – Кирилл снисходительно кивнул Ивану. – Спасибо.

– До встречи. – Иван стал расстёгивать халат.

– Нет. – Кирилл улыбнулся одной стороной лица. – Теперь ничего болеть не будет. Мне привезут особый порошок, он лечит.

– Тот самый порошок? – Заинтересовался Сергей, подавший начальнику пальто и пуховой платок.

– В машине поговорим, а платок убери, – прекратил разговор Кирилл.

Проходя по коридору клиники, Кирилл краем глаза оглядывал ламинат пола и венецианскую облицовку стен. Крупно играет Евгений Владимирович, каждая его клиника эталон медицинского учреждения.

Хорошо работать стоматологом, отсверлил зуб и свобо-

ден, а ему ещё думать, что делать с надоевшим заводом, производящим садовый инвентарь и вёдра, и с женой, захотевшей свободы и сыном, непонятно куда девшимся в последние сутки.

Ивану хотелось домой, завтракать и спать, прислонившись к жаркой Ниночке.

Проводя взглядом магната заштатного по меркам Москвы, городка Заозёрска, Иван заново сполоснул руки и вытер их о кипенно-белое вафельное полотенце. Других в его кабинете не могло быть. За чистоту он боролся не покладая рук... санитарок.

Его мысли перебил телефонный звонок.

– Ваня, зайди ко мне. – Голос главврача был непривычно просящим.

В своём кабинете Эльза Евсеевна стояла рядом со столом, всунув руки в карманы халата и пристально глядела на Ивана.

– Ты будешь жениться на Нине? Почти год вместе живёте.

Опешив от неожиданного вопроса, Иван потёр указательным пальцем морщинку на лбу.

– Как-то не думал об этом. Живём и живем, как все. А что?

– А то! – В карманах халата Эльза сжала кулачки. – У тебя будет помолвка. С Ниной.

– Понимаю, что вы хотите закрепить уникального специалиста за клиникой... – Он снова дотронулся до лба. – Но

давить на Нину бесполезно. Она девушка деревенская и со своей психологией.

– Не чешись! Оставь в покое лоб! – И тут же Эльза сменила тон на спокойный. – Зато она честная, послушная и приносит клинике двадцать процентов прибыли. Семь врачей-специалистов с медсёстрами и новейшим оборудованием, и она одна на всех, всего лишь одна с волшебными руками.

– Но не только в этом дело? – перебил главврача Иван и спрятал зевок в кулак.

Пройдя несколько шагов по кабинету, Эльза указала на стул.

– Сядь, не стой над душой. Ты прав, не только в этом. Кирилл Дмитриевич приехал в Москву для инвестиций после продажи завода. Ему обещал помощь свёкор. – Повернувшись на каблуках, Эльза прямо взглянула на Ивана, отчего тому стало не по себе. – А кто его свёкор?

– Понятия не имею. – Сев на стул, Иван потёр сонные глаза. – Расскажите.

– Просто назову имя. Евгений Владимирович, владелец нашей и ещё десяти клиник широкого профиля.

– А причём здесь Нина? – устало удивился Иван.

– При Фифе, Ваня, при Китайской Фифе. Евгений Владимирович любит своих собак как детей, а Фифа любит Нину. Он подарил Фифу мне, а я тебе. На вашу помолвку придут нужные люди, и ритуал произойдёт в особняке Евгения

Владимировича, в день его рождения. Если его зять Кирилл вложится в нас, мы сможем выкупить всё здание целиком для расширения клиники и открыть новые кабинеты. Очень выгодны косметология и педиатрия... – говорила Эльза уже себе самой. – Люди не жалеют деньги на свою внешность и детей. И стерву Дашку, однокурсницу свою бывшую приглашу, пусть завидует, а то видите ли у неё муж молодой и красавец...

– Эльза, я как-то...

– Не перебивай! – главврач села в своё руководящее кресло. – И, самое главное, не забудьте купить для Фифы праздничное платье, в аутентичных кружевах, то есть в настоящих, ручной работы.

– Так я не понял, будет помолвка у нас с Ниной, – Иван встал, собираясь уходить. – Или смотрины у Фифы?

– Ваня! – Сделав выдох через ярко накрашенные губы, Эльза подошла к Ивану и положила тонкую ладошку ему на грудь. Сядь, имей терпение. – Дождавшись послушания, она продолжила монолог, шагая по кабинету. – Ты мой заместитель и целый месяц компаньон, а до сих пор до конца не понимаешь, что мы ответственны не только за пациентов, но и за сотрудников. За зарплату, за соцпакет, за фонд развития клиники и фонд ремонта, необходимы новые инвестиции. Успокоенная высказанными мыслями, главврач замолчала.

– Вы, Эльза Евсеевна, иногда заигрываетесь. Неприятно

слушать. – Выходя из кабинета Иван, широко зевал, до боязни повредить челюсть.

– Помолвка будет в четверг! – Крикнула ему вслед Эльза. – Иначе обоих уволю! Без пособия и с волчьим билетом!

Москва. Нина

С вечера было ясно, что не рассосётся и не исчезнет, но Нина всё равно легла в кровать и понадеялась, что боль пройдёт сама собой.

Проснувшись в четыре часа ночи, села, укутавшись в тёплое одеяло, и долго не могла сосредоточиться ни на чём кроме боли в правой половине лица, отдающей в голову, и расходящуюся зелёными кругами по темноте ночной комнаты.

Не помогала даже спящая рядом Фифа, любимая и, несомненно, лечебная собака. Стоило её прижать, горячую и нежную к нездоровому месту, и боль уходила. Так было с застуженной шеей у Ивана, с ежемесячными болями Нины внизу живота и даже со случайными синяками у вечно бегущего и прыгающего трёхлетнего Сашки, если, конечно он не спал или не смотрел мультики.

Помогающая каждый месяц десяткам женщин своими уникальными руками избавиться от родинок, шрамов и небольших воспалений, саму себя Нина лечить не могла.

Глядя продолговатыми коричневыми глазами на хозяйку сквозь длинную бежевую чёлку, Фифа мигала, всем видом показывая сострадание. Высокие треугольные уши с хвостиками сочувственно дрожали.

У Нины болел верхний зуб с правой стороны, теперь, правда, казалось, что ныла вся верхняя челюсть. Болевое эхо

отдавало в глаз, в нос и горло. Было невозможно глотать как в детстве при ангине.

Просидев в кровати полчаса, покачавшись из стороны в сторону, подхватив к себе Фифу, Нина зажгла торшер у кровати. Яркий свет болью отдался в зубе. Электронные часы показывали четыре часа семнадцать минут утра.

Третий день Иван умолял её дойти до его кабинета, принять меры. Было страшно, но предстоящие ощущения в стоматологическом кресле ещё страшнее. Лечиться Нина не пошла, и Иван обиделся. Кстати, а где он?

Сощутив глаза от давящей на мозг боли, Нина минуты две прикидывала, куда среди ночи мог деться Иван.

Осторожно, дабы не потревожить резким движением ног, руки или поворотом головы ноющий зуб, Нина встала с кровати, не отпуская собаку, и вышла в коридор. Большое зеркало в прихожей показало мятый шар волос на голове, перекошенное лицо и встревоженную Фифу, машущую бежевым плюмажем хвоста. Неправильно застёгнутая тёплая пижама топорщилась на животе. Отвернувшись от огорчившего её зеркала, Нина посмотрела на обувную полку.

Тёплых ботинок Вани не наблюдалось. Вчерашний след от стаявшего снега присутствовал, а ботинок не было.

Кухня тоже стояла пустая, с невымытой посудой в раковине. Естественно, Нине позавчера и вчера было не до посуды, как и сегодня утром. На столе лежали пупырчатые вскрытые упаковки таблеток – болеутоляющие и снотворное. Судя по

использованному количеству, она неделю должна спать без задних ног, и из дома можно уводить не только мужа, но и вынести всю мебель, вместе с Фифой.

Машинально Нина поставила собаку на стол и набрала рабочий номер Ивана. Телефон задумчиво погудел длинными гудками, а потом сбился на короткие гудки «занято». Любопытная Фифа нервно обнюхивала таблетки, перебирая лапками в белых лохматых «сапожках».

Между прочим – половина пятого утра. Ваня не может быть на работе, вернее не должен. А кто же в его кабинете? Нина набрала номер ещё раз – занято.

Стало очень обидно. Два дня Иван рекламировал свой кабинет, убеждал, что садиться придётся не к чужому дяде, а к нему, светице стоматологии. Между прочим, Нина тоже знает теоретическую и практическую разницу между пульпитом и санацией. Всё-таки она учится в Первом Меде.

И вот теперь, когда стало хуже, когда от боли хочется выть, биться головой о стену, зарыть себя в тёплые одеяла и не просыпаться, когда она готова на все... Мужа нет. Таак. И что же любимый Иван Иванович делает в это стрёмное время у себя на работе?

Нажала на кнопку повтора – занято и всё.

Где-то в дальнем отсеке уставшего мозга промелькнуло желание высунуться из окна и упасть ослабевшей головой в сугроб... Заманчиво, но, между прочим, седьмой этаж... Поняв её настроение, Фифа села на столе между таблетками

и солонкой и осуждающе твякнула.

Глядя собаку по мохнатой голове, Нина решала – ехать к Ивану на работу или рвануть в ночную стоматологическую «неотложку» и там отдать себя на растерзание дежурных врачей.

* * *

Через три минуты Нина стояла в прихожей, одетая, с Фифой на руках. Оставлять собаку дома сегодня было невозможно. Разбуженная ночью она будет часа два подвывать, скучая в одиночестве. Хохлатые Китайские собаки, так же, как все мелкие породы, не выносят одиночества.

Через пять минут Нина объясняла водителю пойманной машины адрес.

Через полчаса входила в стеклянные двери ночной стоматологии.

В регистратуре сонная тётя скучно смотрела на пациентку.

– Мне нужно удались зуб, а собаку в кабинет не пустят.

– Ну? – зевнула регистраторша.

– Можно оставить её у вас?

– Ну? – заинтересовалась женщина.

– Сколько? – конкретно спросила Нина.

Оценив недорогую дублёнку девушки и обаятельную собаку на её руках, регистраторша вынесла решение:

– Для тебя пятьсот. Вон там, в углу, – смотря в сторону протянутой руки, Нина увидела обрезанную большую коробку. – Место для собачек, грузи свою... Как зовут-то?

– Фифа.

– Оригинальная кличка.

Аккуратно устроив собаку в коробку, с выстеленным на дне детским синим одеяльцем и повесив на вешалку дублёнку, Нина перекрестилась и пошла в кабинет к стоматологу.

Спустя полчаса Фифа, до этого нетерпеливо смотрящая из коробки на открытую дверь регистратуры, вскочила и побежала в коридор.

Подхватившая собаку Нина тут же прижала её к щеке, свершено не чувствуя боли из-за заморозки.

Заворчав от недовольствия, Фифа пыталась отстраниться, но Хозяйка была настолько радостной, что Фифа решила ей помочь и стала слизывать кровь с краюшку рта, остро ощущая неприятный запах лекарства.

Вернувшись домой, Нина накормила Фифу и легла в мягкую кровать. Болело несравненно меньше, душу грело чувство сделанного дела.

Фифа

Год назад, в середине марта, Эльза Евсеевна была удостоена чести быть приглашенной на юбилей Евгения Владимировича, владельца сети медицинских клиник широкого профиля, бывшего заместителя министра здравоохранения России.

Дворец на Новой Риге состоял из четырнадцати комнат, двух угловых башен, торжественного зала и полутора десятка вспомогательных помещений.

На участке для производства правильной и полезной пищи разместились оранжереи и фруктовый сад. Отдельно от особняка стоял двухэтажный гараж на шесть машиномест, баня и флигель для обслуживающего персонала.

Зачем нужен огромный дом бобылю, у которого оба сына жили в Америке, а старшая дочь Эсфирь не собиралась с ним общаться, было непонятно.

Размах недвижимости, известные и знаменитые гости и шикарное застолье, произвели на Эльзу неизгладимое впечатление. От души она выпила драгоценного коньяка, стоящего буквально на вес золота и долго восхищалась дизайном дома, бассейном, прудом с рыбами и водяными цветами.

Но сейчас во многих домах-усадебках были и пруды, и фруктовые сады и люстры в два этажа высотой. Богатые люди, желая отличиться интеллектом, чувством юмора или

другими достойными качествами, собирали коллекции и находили необычное хобби. У юбиляра этим были Китайские Хохлатые собаки.

Разомлевший от внимания и выпитого, Евгений Владимирович пригласил гостей увидеть его главную гордость – просторный утеплённый вольер, в который на время юбилея отравили его ненаглядных собачек.

Щенята всех пород всегда умилительны, а уж у мелких собак они особенно очаровательны.

Взрослых собак было три – две сучки и кобель. Щенят получилось восемь, и родились они с разницей в два дня. Мамаши кормили их без разбора, по принципу «кто первый доползёт». В одном помёте Китайских Хохлатых, как обычно случается, были и голые собаки и мохнатые, то есть пуховые.

Ни один кинолог не мог предсказать, какими будут щенки, хотя все три взрослые собаки Евгения Владимировича были голыми, шоколадными, с бежевыми чёлками, с бахромой, свисающей с больших торчащих ушей, с «сапожками» на лапках и плюмажем на хвосте.

На сетке вольера висели в рамках постеры с историей собак, привезённых в средние века в Европу из Китая, но изначально Хохлатые были родом из Латинской Америки. Везде собачки считались священными животными, реально обладающие целебными свойствами. Помимо высокой температуры тела, их организм вырабатывает своеобразный фермент, не свойственный другим породам, выделяемый слю-

ной и мочой.

– Больше щенков не будет. – Со вздохом заявил Евгений Владимирович. – Врач сказал о вредности для девочек щениться больше двух раз. Так что будем их стерилизовать.

Понимающе кивая, Эльза Евсеевна старалась не слишком глубоко дышать у вольера. У неё в пять лет возникла аллергия на тополь, лилии и собачью шерсть, хотя в информации на вольере крупными буквами было выделено сообщение об неаллергентности Китайских Хохлатых.

Через три дня после юбилея в квартиру Эльзы принесли небольшую коробку. Курьер торжественно вручил её и предупредил: «Аккуратно». Почувствовав шевеление в подарке, Эльза быстро расписалась в квитанции. Снимая в гостиной крышку с коробки, она уже догадывалась, что находится внутри. На атласной подушке лежал щенок, моргал глазками. Девочка.

До сентиментальности забавная, коричневая, с длинной белой чёлкой, с коричневыми глазами-бусинками и тонкими лапками в бежевых «сапожках». Собачка смотрела одновременно и с испугом, и с надеждой на любовь со стороны Новой Хозяйки. Ведь до сих пор её, как и остальных щенят, любили две мамы, папа и много людей, ухаживающих за ними.

Под подушкой коробки, в праздничном файле, были завёрнуты документы на щенка. Судя по родословной, ссылкой на выдающийся питомник и страховке, собачка тянула на многие деньги.

По телефону Евгений Владимирович довольно урчал, слушая слова благодарности от Эльзы.

– Девочку зовут Фифа.

– Она такая забавная, – кокетничала Эльза.

– Да, – продолжал удовлетворённо гудеть Евгений Владимирович. – Иногда я даже навещаю отданных питомцев, или приглашаю к себе с подросшими щенятами. А вы... – Евгений Владимирович выдержал торжественную паузу. – Вы, Эльза, можете приехать просто так, без предлога...

В первый день Эльза Евсеевна чихнула пятнадцать раз, во второй не меньше сорока и из носа пошла кровь. Не думая избавиться от Фифы, она понимала невозможность существования с нею в одной квартире.

Чувствуя со стороны хозяйки внимание, но не любовь, Фифа стала пугливой и нервной. Никакие препараты не помогали Эльзе от аллергии, и она решилась на ответственный шаг. Если избавиться от Фифы в окончательном смысле было невозможно, то нужно пристроить её к близкому человеку.

Родные Эльзы жили в разных городах, но в Москве – никого. С бывшими мужьями она не общалась, детей не было. Получилось, что из самых близких к ней по духу и профессии остался Иван, стоматолог в её клинике, заместитель.

Собаку она всучила Ивану на следующий день. В клинике, в той же подарочной коробке с родословной.

Бедная Фифа и у Ивана не получила любви и вся её

жизнь, нацеленная на служение Настоящему Хозяину, потеряла смысл.

Через неделю у собаки начала лезть короткая шерсть, оставляя на гладком точёном тельце проплешины.

В воскресенье Иван решил отвезти собачку в ветеринарную клинику, но пришлось изменить маршрут и заехать в свою клинику, к пациенту с острой зубной болью. Собака в это время сидела в машине, с интересом смотрела в окно.

– Оставлять или не оставлять Фифу в машине? – решал Иван. – А вдруг нагадит? Ничего, посидит пару часов в пустом кабинете главврача.

После оказания помощи пациенту, Иван зашел в кабинет, но Фифы не было. Кабинет он не запирает, и войти туда мог кто угодно, даже не заметив маленькую собачку, убежавшую в коридор.

– Фифа, Фифа, – стал звать он собаку, идя по коридору. – Фифа, Фифа!

– Опять новую бабу зовёшь? – раздался недовольный голос, и из-за прозрачной двери регистратуры вышла Нина.

– Не перебесилась ещё? – Иван с удовольствием рассматривал девушку в белом халате. – Специально со мной смеями поменялась?

Среднего роста, русая, курносая и в канопушках. Русская красавица с десятью килограммами выше принятых норм, с большой грудью, аппетитной попой и светлой нежной кожей. У Ивана кружилась голова от её присутствия.

– Никто сотовые телефоны не отменял, – с лёгкой обидой ответила Нина.

– Я звонил, ты не отвечала.

– Ниночка! – заорала женщина, бегущая от входа. – Я пропустила сеанс и сейчас умоляю принять меня вне очереди. Заплачу в два раза больше!

– У меня закончился приём, – Нина отвернулась от пациентки. Лицо женщины стало старым и несчастным. – Подождите... – Приглядевшись к лицу пациентки, Нина сосредоточилась на коричневых пятнах у виска. Примерившись, она с размаху шлёпнула по ним. – Придёте через неделю.

– Ой, Ниночка! – женщина вытерла слёзы. – Спасибо. А поможет?

– Поможет, – пробурчала Нина. – Я сейчас сердитая и эффект будет в два раза сильнее. Идите, женщина, а мне нужно домой, то есть в общежитие.

Приложив руку к виску, женщина снова побежала, но в обратную сторону.

– Так что за бабу ты звал, Ваня? – обернулась к Ивану Нина.

– Истеричка ревнивая. Не тебя я ищу, а свою собаку Фифу, она же Хохлатая Китайская. Видела?

Кивнув головой, девушка поманила Ивана за собой.

– Спит, – шепотом пояснила она. – Я её покормила курицей и виноградом, и она заснула. А то слышу, кто-то плачет, на жизнь жалуется. Пошла, искала, пациентов сегодня ма-

ло, есть время. Открыла дверь в кабинет Эльзы, а собачка стоит у двери и так на меня смотрит, что хоть плач вместе с нею. Я её на руки взяла и принесла сюда, надела свою футболку, а то ей холодно. Она, в уголке, – девушка показала на свернувшуюся калачиком Фифу в какой-то тряпке, спящую на белом полотенце.

– А что она делает в регистратуре? – перебил Нину Иван.

– А куда её ещё девать? – Удивилась Нина. – Я же сказала – конец рабочего дня. Хотела ехать в институт, а тут скупающее чудо природы.

Проснувшись в коробке Фифа вскочила и, дрожа по случаю прохладной погоды, переводила взгляд с Нины на Ивана. На ней нелепо смотрелась свисающая обрезанная футболка.

– Заболела она, к ветеринару везу, – стал объяснять Ваня. – Шерсть выпадает.

– Это у неё от тоски и авитаминоза. – Подхватив собаку, Нина с удовольствием чмокнула её в коричневый лобик под бежевым хохолком-чёлкой.

– Откуда знаешь? – Удивился Иван.

– Люблю всех животных и чувствую Фифу. Да, девочка? – Приблизив своё светлое лицо к остроносой мордочке собачки, она дождалась настоящего поцелуя, когда Фифа быстрым движением облизала подбородок Нины. – И у неё такой же дар, как у меня – она лечебная. Ты, Ваня, мало фруктов ей даёшь.

– Чего? – удивился Иван.

– Ужас, – резюмировала Нина. – Интернет под рукой, а ты даже не поинтересовался. Китайские хохлатые собаки, помимо мяса, любят фрукты и овощи. Но сладкие, им не полезны.

– Не знал, – признался Иван и протянул руки к Фифе.

Собака забилась в истерике, вжимаясь в грудь Новой Хозяйки.

– Я поеду в ветеринарку вместе с вами, – решительно заявила Нина. – Смена у меня закончилась пять минут назад, а институт сегодня подождёт.

– Поехали, – легко согласился Иван, заранее зная и о сегодняшнем вечере, и о предстоящей ночи и даже об утре понедельника.

* * *

Но случилось не совсем так, как он предполагал. После ветеринарки, где слово в слово подтвердился диагноз, озвученный Ниной, они решили вместе поужинать у Ивана в новой квартире.

Дома у Вани, готовя элементарную жареную курицу с луком и в специях, Нина присматривалась к бывшему любовнику. Оба смущались, стараясь найти общие темы для разговора. Помогал телевизор с новостями и Фифа, крутясь и подпрыгивая у кухонного стола. Мордашка её казалась до-

вольной.

Она нашла свою Настоящую Хозяйку!

После ужина с жареной картошкой с тонкими ломтиками свинины и лёгким салатом, выпив по бокалу белого вина, Иван и Нина легли спать. Иван на диване, Нина в спальне. К ней немедленно присоединилась Фифа, тыкаясь мокрым носом в щёку.

После эмоционального дня Иван заснул сразу и когда решил не обижать девушку и всё-таки предложить ей интимную близость, будильник объявил о семи часах утра. Нина и Фифа сладко спали, и Иван не стал их будить.

В понедельник Нине нужно было выходить к двум часам, и она приехала на работу вместе с собакой. В пять часов Иван забрал Фифу домой. А та уселась у входной двери и ждала свою Любимую Хозяйку, прислушиваясь к каждому скрипящему звуку лифта на седьмом этаже.

Как само собой предполагалось, Нина вечером оказалась в доме Ивана. И в эту ночь Фифе пришлось ночевать в гостиной.

В постели Нина даже поначалу отбивалась от Ивана, но потом влилась в процесс, так любимый обоими.

Целыми днями Фифа ходила за Ниной по пятам, заглядывала в глаза и повизгивала от удовольствия. Вот от неё Нина ощущала волну преданнейшей любви, и иногда подхватив собаку, целовала её в лоб. В нос чмокнула только два раза и, почувствовав смиренное терпение на неприятное действие,

решила проследить за собакой, уточнить свою догадку.

У Фифы оказалось уникальное обоняние. Свой корм, специально перепрятанный Ниной, он учуяла в другом кухонном шкафчике за закрытой дверцей и рядом с банкой остро пахнущего кофе. Носки Ивана она откопала в спальне и перенесла в ванную.

Через неделю Нина, не дождавшись ни цветов, ни извинений, уехала к подруге Маше, у которой периодически «зависала», стараясь не показываться в шумном общежитии медицинской академии.

Занятая росписью батиков для художественных салонов и платьев собственного кроя, Маша поцеловала Нину. В руках её, как всегда, была жесткая кисточка, а поверх байкового халата коленкоровый фартук в разводах краски и воска.

– Проходи, Нинель, устраивайся.

– Я уехала от него.

– Два придурка. – Развернувшись, Маша пошла в комнату-мастерскую. – Я занята, но сейчас приедет твоя сумасшедшая сокурсница Катя, ей и жалуйся!

Через пять минут в квартиру вломилась Катя в спортивном костюме и с сумкой, размером с чемодан. Увидев расстроенное лицо подруги, тут же потащила Нину на кухню.

– Рассказывай!

Минут пять, захлёбываясь от слёз, Нина жаловалась как она обрадовалась, переехав к Ивану. Неделю прожили вместе..., а он так и не попросил прощения за своё равноду-

шие... И ни одного ласкового слова, ни букетика, ни пирожного, только завтраки или ужины и секс. Только Фифа их объединяет.

Пропуская рассказы о Фифе мимо ушей, Катерина, как ей казалось, ухватила самую суть:

– А ты его «помаринуй»!

– Какое «мариновать»? – Плача ответила Нина. – Да я за ним босиком по снегу побегу, да мне около него до задыхания хорошо и голова кружится. – Она всхлипнула, и посерьёзна. – Я буду самым лучшим врачом, достойным его.

Спортивно-резкая Катя, поцеловала подружку в макушку.

– Ну, ты дура, Нина. Таких, как ты используют, но не женятся. Или используют для зарабатывания денег. Ты же феномен. Ты же мне вылечила родимое пятно.

– Наплевать! – Обеими ладонями, Нина отёрла глаза. – Понимаю, ему я не очень-то нужна, но Фифе без меня плохо. Жалко её. Такое чудо, так по ней скучаю. Наверное, она единственная, кто меня безоглядно любит. – Встав со стула, Нина вышла в коридор и принесла сумку с учебниками. – Ладно, чего зря расстраиваться. Пора учиться, скоро сессия.

Прямо здесь, на кухне, переодеваясь в байкерский обтягивающий костюм и шнуруя высокие кроссовки, Катерина поглядывала на подружку.

– Едранутая ты, Нина. Тебе и учиться не нужно, у тебя дар судьбы.

– Сама такая, – устраивая на кухонном столе компью-

тер тетрадь и ручки, Нина улыбалась. – Приехать в Москву из Альментьевска, поступить в медицинский и заниматься стритрейслингом. Несерьёзно.

– А где бы я могла нормально гонять на машинах? Я ведь без трассы не могу. – Надевая яркую желтую кожаную куртку, Катя с неприятным сильным звуком застегнула молнию. – Куда родители заплатили, туда и поступила. Чего ты опять задумалась?

– Стыдно мне возвращаться в квартиру Ванечки, но болит душа по Фифе, такая она... беззащитная.

– Потрясающе. – Только и сказала Катя. – Поехала я на гонки, вырабатывать адреналин. Сумку оставляю здесь, а ты держись, пусть твой Ванька на коленях ползает, вымаливает прощение.

И, прихватив телефон подруги, она исчезла из квартиры.

* * *

За два дня в квартире Ивана скопилась в раковине грязная посуда, в кровати сбилось постельное бельё, и у Фифы снова стала выпадать шерсть. Есть она отказывалась. Собака буквально плакала, стояла и дрожала перед входной дверью, и сразу после прогулок снова стояла под нею, ожидая возвращения Нины, Настоящей Хозяйки.

Но Иван ничего не мог сделать. Куда уехала жить Нина он не знал, телефон её был выключен, а подруга Маша лениво

посылала его «на хер».

Еле дотерпев до понедельника, Иван первым приехал в клинику. Нина появилась через пятнадцать минут.

– Ты почему не позвонила? – Закричал Иван, не обращая внимания на любопытных медсестёр, сидящих в регистратуре. – У меня Катя нечаянно увезла телефон, а у кого она сейчас я не знаю.

– А приехать ты не могла? – продолжал возмущаться Иван. – Я-то ладно, пережил бы, но Фифа отказалась есть, и лежит, голодная от слабости, у входной двери.

– Я сейчас к ней съезжу, – решила Нина. – У меня сегодня выходной, а в институт к двум часам и на работу я приехала из-за тебя, – призналась она. – Давай ключи.

В тот же день, не выпуская Фифу с рук, Нина перевезла все вещи из общежития медицинской академии в квартиру Ивана.

Пахнувшая красками и воском Маша, при её отъезде нарочито три раза перекрестила Нину и Фифу широким православным крестом.

– Бог и судьба вам в помощь.

Днём Иван приехал с работы с букетом в пятьдесят бордовых роз.

– Прости, Нина, ты мне нужна... и Фифе.

Позлившись два часа, Нина всё-таки допустила Ивана в спальню. А ночью к ней притулились Фифа, и стала спать в общей кровати.

В клинике сразу же заметили изменившееся настроение Ивана и Нины, присутствие Фифы в регистратуре и увеличившийся потенциал Нины, помогающий в лечении бородавок и пигментных пятен у женщин и мужчин.

– Это что же тебя так заводит? – решила уточнить Эльза Евсеевна, довольная оплатой работы кабинета дерматологии.

Не переставая улыбаться, Нина весело призналась:

– Это мне Фифа даёт подзарядку. Она тоже лечебная.

Ссора

Утром Иван сел на край постели. Нина плотнее надвинула на лицо одеяло, отгораживаясь от назойливого солнечного света.

– Я погулял с Фифой. – Голос Ивана звучал скорбно. – Не мог тебя добудиться.

– Молодец. – Буркнула Нина в подушку.

– Кушать в доме нечего. – Не меняя тона, продолжил Иван.

– У меня ж-зуб болел. – Намеренно жалостливо просто-нала Нина.

– Это я уже слышал. – Иван лёг и плотнее закутался в своё одеяло. – Слабо топят в доме. А тебе надо вылечить зуб и зажить нормальной жизнью.

– Я уш-ше вылеш-шила.

Пауза реакции Ивана на сообщение затянулась. Нина за эти секунды успела задремать и даже увидеть во сне летний лес и какую-то птичку на ветке...

– Не понял! – Иван надавил на плечо Нины, заставив повернуться.

– В неотлош-шку я съездила, в районную.

Отвечая, Нина на секунду приоткрыв глаза. Во рту ей что-то мешало. Она подумала, что забыла выплюнуть ватный тампон.

Небритый и усталый Иван смотрел на девушку с испугом.

– Нина... Ниночка, у каких костоломов ты была? – В его голосе слышался ужас.

Сев в кровати, Нина потрогала щёку. Правая щека жила самостоятельной жизнью сантиметра на три отставая от родного лица. Значит, это не тампон мешался, значит, начался абсцесс.

– Кштати, а где ты был ношью? – Прошепелявила Нина.

– На работе, Нина. Я же тебе говорил.

– Когда?

– В два часа ночи. Ты, правда, делала вид, что спала. Позвонила Эсфирь, срочно вызвала к твоему дальнему дяде Кириллу Дмитриевичу, у него разнесло всю десну от флюса. Тоже, как и некоторые идиотки, ждал до последнего, а ещё крупный бизнесмен!

Сморщившись, Нина посмотрела на Гену.

– Ты выдрал ему капиталиштишеский клык?

– Полтора часа на него убил, зато он теперь как огурчик и зуб в сохранности. Ну-ка, покажи...

Нина легла обратно в кровать и отвернулась к стене. Иван не отставал.

– Покажи.

– Нет.

– Почему?

– Штесняюсь.

– Меня? – Иван часто заморгал, не понимая сути дела. –

Ты забыла? Мы с тобою в ванной вместе моемся, не говоря уже об остальном.

Нине не хотелось отвечать, ей хотелось спать.

– Нина, признайся в самом страшном... Ты удалила зуб?

Объясняться не хотелось, и Ниночка накрылась одеялом с головой. Через секунду Иван содрал с неё одеяло.

– Ты... безголовая... открой рот.

– Ваня, не надо. Мне больно... удалила. Ражожлилась на тебя, думала – ты жагулял...

– Нет, ну... слов не хватает. Идиотка! – Закричал Иван. – А я ещё думал сделать тебе предложение выйти замуж.

Вбежавшая в спальню Фифа вскочила на кровать и, прижавшись к Нине, принялась громко твякать, защищая Хозяйку.

– Перестань кричать, у меня ш-шелюсть болит, и горло, и ухо... – Нина гладила собаку. – Пош-шалуйста.

Но Иван не перестал. Он полчаса бубнил про этику семейную и врачебную, обзывал Нину разными словами, намекая на её неполноценность вообще, и как гражданской жены в частности.

Когда Нина встала, прихватила Фифу и побрела в ванную, он ещё не понял, что происходит. Когда она оделась и побросала в спортивную сумку нижнее бельё, телефон, планшет и несколько тёплых вещей, он уже подустал от собственных нотаций и начал догадываться, что, может быть, переборщил. Когда же одетая в джинсы и свитер Нина с переко-

шенной щекой начала одевать в прихожей сапоги, он вышел за ней растерянным.

Добило то, как легко Фифа вскочила на руки Нины и спряталась на её груди, под дублёнку.

Застёгиваясь у входной двери, Нина набрала телефон.

– Сил моих больш-ше нет жить ш-ш тобой, жанудой... Алло, Эльза, это Нина. У меня флюш, температура и Ваня. Мне нуш-жен больничный на пять дней. Я жавтра пережвоню.

– И куда же ты? – Стал заново злиться Иван. – Куда собралась?

– К ш-шёрту на рога, от тебя подалш-ше. Не нуж-жна я тебе, не замечаеш-шь.

– А-а... – Иван смотрел, как Нина повязывает сверху оранжевой дублёнки длинный шарф, купленный ими в Измайлово на выставке прикладных изделий. – А Фифа? – Возмутился он. – Как я объясню Евсеевне, куда делась её собака?

Сглотнув тяжелый комок слёз и обиды, Аля почувствовал облегчение и вполне внятно пояснила:

– Ты, Ваня, шамый правильный из нас, найдёшь выход. А Фифа не её ш-шобака, а моя. Да, моя девочка?

Высунувшись из дублёнки, Фифа ласково лизнула Нину в подбородок.

– А маме с бабушкой как я объясню твой отъезд?

– Передавай привет. – Нина отпирала замки. – И я тебе

не ж-жена.

И только Иван подумал, что с абсцессом на десне, не дай Бог, затрагивающим лицевые мышцы, на холод выходить нельзя, как за Ниной захлопнулась входная дверь.

Постояв в опустевшем коридоре, он неохотно переоделся из тапок в ботинки и, накинув тёплую куртку, вышел из квартиры.

На улице было пять градусов мороза. Нина, как ожидал Иван, не сидела у подъезда. В момент появления его на свежем воздухе, она садилась в пойманную машину, прикрывая щёку шарфом и целуя Фифу. Иван хотел крикнуть что-нибудь извиняющееся, но машина отъехала...

Итак, он не поговорил с Ниной, спровоцировал ссору, остался без собаки и к тому же скоро ему нужно быть обратно в клинике. Часы приёма никто не отменял.

Заозёрск. Людмила Дмитриевна

Вставать в шесть часов утра, если тебе на работу к двенадцати – себя не любить. Но именно из-за любви к себе Людмила Дмитриевна ежеутренне надевала спортивный костюм, даже если был небольшой морозец, кроссовки, вставляла в уши наушники и бежала под бодрящую музыку по краю городского парка на бульвар Станкостроителей, к не работающему лет тридцать фонтану. Около него она делала три прихлопа два притопа, наклонялась в стороны и дышала свежим воздухом.

В восемь Людмила всегда забиралась в ванную. Туда она брала почитать что-нибудь лёгкое: триллер или мистический ужастик в виде книги, раньше лежала с планшетником, но два из них утопила. Волнительное – философские эссе или любовные романы, она читала только на работе.

Сегодня с девяти часов начал названивать домашний телефон. Искусственный голос определителя номера старательно называл цифры звонящего. Сразу же затрезвонил соловьиный, не меньше двадцати раз. Людмила выругалась, пытается не морщиться в стягивающей омолаживающей маске.

Звонки повторялись каждые полчаса. Открыв холодильник, она достала бутылку красного вина, налила половину и выпила. На третьем, особенно длинном призыве, в белом банном халате, с тюрбаном полотенца на голове, Людмила

включила телефон. В этот момент она как раз наливала себе первый бокал красного лёгкого вина в прозрачный бокал на длинной ножке.

– Алло.

– Тётя Людмила!

– Андрей, я просила тебя...

– Мне очень-очень нужен порошок...

– Иди ты лесом, Андрюша! Я знать ничего не знаю, и не подставляй ты меня, будь человеком.

– Помоги, тёть Люд.

– А как? – Людмила добавила для убедительности дрожания в голос. – Я же тебя предупреждала, заранее беспокоилась...

Пришлось отставить трубку подальше от уха, Андрей орал насколько он, мягко говоря, равнодушен к беспокойству тётушки о его судьбе и к чужим советам.

Людмила не стала класть трубку, выпила немного вина и переждала, пока Андрей выдохнется и резко добавила:

– Всё сказал? Тогда имей терпение послушать меня тридцать секунд. Это не богоугодное дело – продавать исцеляющий порошок, его можно только жертвовать, и я не собираюсь тебе помогать. Хватит!

Телефон отключился на середине фразы. Людмила отложила сотовый. От резкого звонка в дверь дрогнула рука, и красное вино пролилось на белый махровый халат.

На лестничной площадке стояла компания, надоевшая

Людмиле за три дня до колик в желудке. Толстый пятидесятилетний дядька – бригадир ремонтников и два помощника лет по двадцать пять, киргизы или таджики из села, даже не отмеченного на карте.

О себе самом Виталий Петрович говорил с уважением. «Я из-под Саранска, Мордва». Люди с четвёркой по географии думали о скромности человека, так смело говорившего о своей выдающейся морде. Щёки его были видны со спины, приближаясь к ширине плеч. И это при росте в метр семьдесят.

Но на фоне «подчинённых» он выглядел солидно, на полголовы выше каждого. Между собой ребята трещали постоянно на своём языке. С бригадиром они общались несколькими междометиями и пятью русскими матерными словами.

– Привет, Людмила. – Радостно поздоровался Виталий Петрович. – Рабочий день начался. Я уж не стал открывать ключами, что ты мне дала. Невдoбно с утра-то. Вдруг ты голая или непричёсанная. Цени мою тактичность.

– Здравствуйте.

Людмила посторонилась, и троица ввалилась в квартиру, растёгивая ватники и скидывая валенки. По квартире они ходили в шерстяных, убойно вонявших носках.

Все трое первым делом отправились на кухню и тут же вышли оттуда, с недоумением глядя на Людмилу.

– А где чай? – Обиженно уточнил бригадир.

– Когда же вы привыкнете? Не пью я чай! – Быстро пройдя

на кухню, Людмила открыла практически пустой холодильник. – Вот! Только красное вино и минеральная вода. И вообще, я дома не готовлю, мне хватает нашего кафе.

Со скорбным видом и, не преставая ворчать, один из помощничков поднял свой ватник с пола, достал из кармана прозрачный пакет с листовым чаем и, затянув нудную песню из трёх нот, поплёлся на кухню.

В своей комнате Людмила быстро переоделась. Ехать на работу было ещё рано, но находиться в квартире со строителями она не могла. Программу их действий знала наизусть.

Первый час строители, с прихлёбом и вытиранием пота со лба, пили чай и пели священную песню с заходом в диапазон ультразвука, от которой из домов уходили мыши и тараканы.

Следующий час они стояли перед участком работы, сделанной вчера. Не важно – клали они плитку, клеили обои или красили плинтуса, осмотр начинался с ругани. Что-то подправляли и подклеивали и только после переделки начинался ремонт, который через три часа прерывался на чаепитие с прихлёбыванием, потением и пением, а затем руганью, при разборке сделанного с утра. И так весь день.

Но качество у самой странной в городе ремонтной бригады в Заозёрске считалось наилучшим.

Кафешка «Рюмка водки на столе» являлась любимым заведением трёх районов города. Работала она круглосуточно. Низкие цены, демократичная обстановка, негромкая музыка, горячие бутерброды и свежееиспечённые пирожки. Вече-

ром подавали домашний борщ и натуральные мясные котлеты с картошкой, приготовленные тут же.

Зайдя в кафе, Людмила поздоровалась с Крошкой Мариной, ударно трудившейся за барной стойкой. «Тянула» Мариночка килограммов под сто пятьдесят, отчего на сорокалетнем симпатичном лице практически не было морщин.

С одного взгляда Людмила определила сегодняшнее ночное дежурство Крошки. Лицо говорило о недосыпе, а блеск глаз о хорошей выручке.

– Ты только на свой карман работала, или всё-таки подумала о других? – Строгим голосом пошутила Людмила.

– Да что ты, Люд, – Марина кокетливо улыбнулась. – Я же норму знаю. С вечера договорилась с Эсфирью. Сто двенадцать бутылок водки, три пакета вина и сто пятьдесят единиц закуски в общую кассу, а остальное – себе. По-божески.

– По-божески, – согласилась Людмила. – Крошка, почему полы не мытые?

– Не успела, – «наивно» заморгала плутоватыми глазами Марина. – А сейчас так ломит поясницу после ночи работы, так ломит!

В двенадцать Людмила сменила Марину и встала за стойку, на розлив алкоголя.

Из приоткрытого окна тянуло свежим весенним ветром конца марта и пахло талым снегом. Яркое солнце заливало светом небольшой зальчик кафе и на резных листьях пальм, стоящих при входе, оседала пыль.

К часу дня пришли яркая Эсфирь и томная Елена. Рабочий день потёк в привычном ритме.

Поезд

Куда сбежать из дома Нина решила ещё в такси. Адресов, к кому можно завалиться без предупреждения у неё было три. Подруга Маша, к которой всё чаще приезжал однокурсник по художественному колледжу Рубинштейн. Подруга Катя, живущая теперь в районе Ходынского Поля, где лучшие школы автовождения, да тётя Людмила в Заозёрске.

Деревня Кашниково в расчёт не бралась, там Иван найдёт её сразу, мама не станет покрывать дочку. Ивана она с прошлого слета считает зятем и ждёт не дожждётся, когда сможет погулять на свадьбе.

Очень хотелось видеть сынулю Сашеньку, но с флюсом она вряд ли будет ему интересна, да и всё равно его привезут в Москву через неделю. У мамы заканчивались деньги, а получать их она предпочитала наличными. А ещё сыночек обожал играть с Фифой, а она с ним.

Фифа сидела рядом на заднем сидении такси и сразу стала дрожать от холода. Сняв с себя пёстрый кашемировый шарф, Аля обмотала тельце собаки.

– Ж-шивы будем, не помрём, – сообщила она Фифе, и та благодарно полезла целоваться, перебирая по дублёнке мохнатыми лапками.

За окном такси тянулись широкие московские улицы, вереницы машин, толпы людей. Нина устала от большого го-

рода. Хотелось отдохнуть в Заозёрске, где проистекает спокойная размеренная жизнь, где будет суетиться тётушка, готовить лечебные травяные отвары, сочувствовать и сопереживать.

* * *

На Ленинградском вокзале по гулким просторным залам туда-сюда носились пассажиры. Может, они и не так быстро передвигались, может и голос, объявляющий о прибытии и отбытии поездов, не был настолько противным, но Нину, стоящую в небольшой очереди в кассу, раздражало всё – запахи, звуки и взгляды пассажиров.

Не было сил говорить. Протянув кассирше бумажку с названием «Заозёрск», паспорт и деньги, Нина демонстративно показала на свою раздувшуюся щёку. Кассирша сочувственно поморщилась.

– Шалфея настоячку нужно накапать на ватку и прикладывать на флюс.

До отхода поезда Нина сидела в зале ожидания и старалась не смотреть в сторону буфета, где продавали горячий кофе и пассажиры ели, ели, ели, надкусывая, хрустя и причавкивая.

Не выдержав, Фифа, сорвалась с рук Нины и помчалась к стойке буфета, подпрыгивая и жадно заглядывая в витрины. Её хохолок на голове нервно дрожал, хвост трясся мехо-

вым помпоном. Идти за собакой было лень, и Нина сидела, скрючившись, вспоминая, что же она взяла из еды для своей любимицы. Не вспомнила. Вот эгоистка, сама есть не может и о Фифе не обеспокоилась.

– Ути яка гарна собачка, – донеслось до Нины.

Большая тётка укутанная, поверх кроличьей шубы в серый пуховой платок, присматриваясь больше не к Фифе, а к дорожному шарфу на ней, протянула руку к собаке. Нину подбросило на месте, и она быстро подошла к стойке буфета.

– Фифа, – прошептала она, и собака тут же запрыгнула ей на руки. – Мне котлет пять ш-штук и... – Вглядевшись в ассортимент буфета, Алевтина прошептала, молоденькой продавщице явно не московского происхождения. – Минеральной воды без гажа и собака ош-шень любит фрукты.

Удивлённо вскинув подведенные чёрным карандашом брови, продавщица с улыбкой смотрела на Фифу.

– Что она любит?

– Фрукты, – без улыбки подтвердила Аля. – Ош-шобенно виноград. Но у вас нет.

– Нету, – огорчённо согласилась продавщица. – Но есть хурьма!

Так же, как и билетная кассирша, буфетчица сочувственно морщилась и, передавая пакет с покупками, посоветовала:

– Поласкайте водой с содой и каплей йода. Помогает.

– Шпасибо, – ответила Алина.

Проводницей в поезде оказалась молодая женщина лет тридцати с фигурой «тумба на кубышках», с ярко-красными волосами. Форма сидела внатяжку, весенние полусапожки не застёгивались на плотных икрах в лайксовых колготках.

– Я ш-ш собакой. – Мрачно пояснила Нина, кивнув на высунувшуюся из дублёнки острую мордочку Фифы с торчащими ушами.

– Вижу. – Взяв билет, заранее уставшая проводница сощурилась от солнца и улыбнулась собаке. – Можешь проходить. В купе СВ собак провозить разрешено.

– Ш-шпасибо.

В купе, где пугать было некого, а удобство при болезни – прежде всего, Нина завела за уши вьющиеся волосы и обвязала шарфом голову через щёки. Его кисти кокосовыми листьями торчали на макушке. Получился некий «ананасик».

В таком виде Нина отправилась просить у проводницы тёплого, но ни в коем случае, не горячего чая и тарелку для питья Фифе.

Несколько раз Нина набирала тётушкин телефон, но что по домашнему телефону, что по сотовому, работал только автоответчик. Пришлось отправлять сообщение. Сглатывая боль, только на третьем отзыве автоответчика Алевтина смогла произнести:

– Тётя, я еду к тебе. Принимай, вместе собакой. Буду вечером.

После звонка она с чистой совестью отключила телефон. Ивану она не нужна, и он не будет её искать, а если и будет, то пусть чуть-чуть побеспокоится.

В узком проходе вагона она равнодушно прошла мимо двух мужчин, быстро говорящих на не то на чеченском, не то на азербайджанском языке. А вот мужчины появлению Нины были приятно обрадованы и замолчали, провожая восхищённым взглядом пышную девушку. Один из них был выше и выглядел восточным красавцем индийских фильмов. Второй, маленький и щуплый, внешностью не радовал, был похож на небритую обезьянку.

Упитанная красноволосая проводница стояла в коридоре около электрического титана с горячей водой. На подходившую к ней пассажирку смотрела с пониманием.

– Мне чаю, только тёплого и без ш-сахара. – Медленно проговорила Нина. – Можно?

– Болит? – Проводница оглядела пассажирку. – Я тебе с лимоном сделаю, иди в купе, не застудись.

– Ш-шпасибо. – Прочувственно ответила Нина. – И блюще для ш-шобаки принесите, пош-шалуйста.

Присмотревшись к проводнице, Нина заметила на её шее уходящее под воротник родимое пятно. Протянув руку, Нина несильно шлёпнула по нему.

– Ты чего это? – отшатнулась от неё проводница и повернулась боком, приняв боевую стойку.

– Не переш-живайте, я ведьмачка, леч-шу руками кожу.

У вас пятно побледнеет. Я знаю, я свою подругу Маш-шу от родимого пятна вылечила.

– Правда?

На проводницу было стеснительно смотреть. Она поверила словам Нины сразу же и, приложив руку к шее, стояла с таким выражением лица, как если бы ей подарили автомобиль.

– Правда пройдёт?

– Меш-штами, – уточнила Нина. – Надо ещё раза два-три раза вас шлёпнуть.

– Я согласная, – обрадовалась проводница. – Шлёпай!

– Часа через три – Пообещала Нина. – Раньше нельзя, сожгу.

Повернувшись Нина наткнулась на соседей по вагону. Двое «джигитов» в хороших костюмах серьёзно смотрели на неё. Один держал в руках пузатую бутылку с коричнево-золотой этикеткой, другой три гранёных стакана.

– Девушка, тебе в чай обязательно нужен коньяк.

Прикрыв глаза от яркого солнечного света из бокового окна и боли в щеке, Нина проворчала:

– Не надо, я потреплю.

Она обошла двоих мужчин и открыла дверь своего купе. «Горцы» встали за спиной.

– Плохого нэ советуем, сочувствуем.

По коридору спешила с чаем проводница.

– Вы, девушка, не переживайте. Это нормальные мужики,

каждый месяц ездят в моём купе, не пристают. А коньяк сейчас не помешает, хотя бы заснёте спокойно. А, может, пятно ещё и коньячком помазать?

– Не помеш-шает, – согласилась Нина.

Она взяла у проводницы стакан чая в звянящем подстаканнике и блюде.

– Я мало ч-шего боюсь. – Оглянувшись на мужчин, Нина благодарно кивнула. – Ш-шпасибо, но не надо.

– Нина, дарага^{ая} – Приветственно разведя руки, восточный красавец смотрел на девушку чуть ли не со слезой. – Не помнишь? Я Усман. Ты мне вместе с врачом **тры** года назад резала аппендицит в Склифе, в Москве. А это Тарик, друг мой. – И Усман кивнул на невзрачного друга, обомлевше смотрящего на Нину.

Не вспомнить мужчину было невозможно. Он выписался после операции на второй день и ещё неделю присылал Нине в общежитие при больнице букеты, размером с небольшие стога. Ни врачу, ни медсёстрам цветы не предназначались, только ей, но Нина находила очередную банку и ставила букеты на общий стол между ресепшеном и телевизором.

– Раж-жговаривать не могу – больно. – Захотелось избежать повторного знакомства, и Нина поспешила вошла в своё купе.

– Понимаю, – Усман шагнул следом.

Соскочив с полки-постели, Фифа скакала у двери, не переступая порожка. Она вертела головой с Хозяйки на Незна-

комых Мужчин, приняв себя, и анализировала ситуацию – опасно, или не очень. Но Незнакомые Мужчины проявляли дружелюбие к Хозяйке, и Фифа, успокаиваясь, села у входа в купе.

– Забавная собачка... – С придыханием произнёс Ттарик, с восхищением смотрящий на Нину.

– Проходите, пац-шиенты, – подхватив Фифу под горячее тощенькое пузо, Нина поставила её на постель.

Оба мужчины степенно вошли, сели рядом с Ниной, поскольку у второй стены СВ-купе полки не было, за нею располагались туалет и умывальник. Фифа тут же забила мордочкой между подушкой и одеялом, выставив на обозрение хвостик с белым пушистым плюмажем.

– Сидим? – Радостно заметила вошедшая в купе проводница в одной руке с подносом, в другой с чем-то пластмассовым. – А я принесла бутеры с колбасой на закуску и лимон. Усманчик, разливай коньячок!

Выставив на столик поднос, проводница тут же разложила пластмассовый складной табурет.

– А лимон? – подал голос Ттарик.

– Лимон, дорогие господа, для средних коньяков, а для французских и таких, что возит Усман – кощунство... – заметив недоумение в молчании компании, проводница продолжила. – Меня этому научили постоянные пассажиры, а в моём вагоне ездят только обеспеченные люди.

Как и все женщины, донельзя любопытная Фифа переду-

мала прятаться, вылезла из-под одеяла, и смотрела на всех, радостно моргая вишнёвыми глазками из-под длинной бежевой чёлки и тряся лохматыми ушками.

– Я заходил в больницу, только ты ушла из Склифа. – Разливая коньяк в гранёные стаканы, Усман влюблено смотрел на Нину.

– А, так вы старые знакомые! – Взяв свой стакан, проводница с удовольствием понюхала коньяк. – Фирма. Ну, за знакомство.

Все чокнулись. Мало что понимающая в крепких напитках, Нина, отпив глоток коньяка, тут же запила его тёплым чаем.

Выпив свою порцию, проводниц посочувствовала:

– Пей ещё. Коньяк в небольших дозах самое лучше лекарство.

– Меня тётя будет леч-шить, она травница.

Чихнувшая от резкого запаха коньяка, Фифа недовольно твякнула на Тарика. Тот улыбнулся в ответ собаке.

– Пойдёмте, мальчики ко мне в купе, а то у девушки глаза слипаются. – Обрадовалась проводница и обратным порядком переставила на поднос стаканы, блюдец с закуской и сложила табурет.

В последний момент Фифа успела стащить с тарелки кусок колбаски и тут же спрятать под подушку. Все рассмеялись, и Нина не стала отбирать добычу.

С облегчением она закрыла за гостями дверь купе. Из ва-

гонного коридора до неё донесся голос Тарика:

– Я бы на такую и порошка не пожалел.

Ироничный голос Усмана ответил:

– Слишком дорого, а она всё равно тэбэ не «даст».

Не дождавшись привычного повышенного внимания к своей персоне, Фифа доела коолбаску и забилась в сложенное одеяло. Мигнув тёмными глазами, она прикрыла нос тонкой лапой, в бежевом «сапожке» как делала всегда, защищаясь от острых неприятных запахов, и заснула.

Не хотелось расстлать постель, наклоняться и делать любые физические упражнения. Весь путь до Заозёрска занимал пять часов, оставалось ещё четыре. Удобно устроившись локтями на столике, Нина включила планшет, нашла нужную страницу в учебнике анатомии и плотнее прижалась вспухшей щекой к жаркому шарфу. За окномплыли пригороды со стаявшими сугробами и торчащими в мокрых прогалинах деревьями.

Нине всё больше хотелось попасть в тётину квартиру, где она спокойно сможет попить антибиотиков и валяться перед телевизором, не дёргаясь по хозяйству.

Поезд останавливался около каждой станции и полз со скоростью асфальторазметчика.

Учиться не получалось. Страница на мониторе планшета расплывалась, и буквы рядом со схемой кровообращения человека смазывались в непонятную паутину.

Улёгшись на узкую постель, Нина прижала к себе Фифу

и задремала.

– Мне иногда кажется – ты живёшь не со мной, а с собакой и я приложение к ней, – однажды пошутил Иван, после возвращения с вечерней прогулки Нины.

– Так и есть, – совершенно серьёзно ответила она. – Фифа меня больше любит, и с нею я общаюсь больше, чем с тобой.

Оба тогда рассмеялись, но разговор остался в памяти, и Иван иногда напоминал о нём. По меркам стандартной семейной жизни, они жили дружно. В достатке, с красивым сексом и общим интересом к медицине. Он, правда, признавался сам себе в некоторой холодности в отношении к Нине. Но, иногда подумывая о женитьбе, всё никак не мог решиться. А вдруг в его жизни появится не деревенская девушка с ребёнком непонятно от кого, а модельная красавица из престижной семьи с высшим образованием и хорошим приданым. Тогда зачем ему Нина?

Через три-четыре месяца совместной жизни Нина начала замечать изменения в поведении Ивана в отношении к собаке. Он стал с удовольствием гулять в свои выходные с Фифой и брал на колени при просмотре телевизора. Собака легко приняла его «ухаживания». Иногда Иван приносил специально для Фифы виноград и покупал парную куриную печёнку. Но с Ниной он вёл себя всё так же тепло и ровно...

Вот Усман сегодня смотрел на неё влюблено. И на улицах Москвы, когда Нина гуляла с собакой, на неё позитивно реагировали мужчины. И в институте к ней неожиданно воз-

ник повышенный интерес. Только статус замужней девушки сдерживал ухаживания однокурсников.

На работе – нет, на работе она звезда.

На прѐм к дерматологу, Алле Борисовне, записывались за месяц. Но все, в том числе и сама докторша знали, что идут на прѐм не к ней, а к Ниночке. И та в свои часы приѐма слегка шлёпала и била по родимым пятнам и шрамам. «Стирала» папиломы и бородавки, а, главное, на лице и шее сглаживала морщинки.

Стоил приѐм дорого, но никто не скупился и даже несли в подарок вазочки, деликатесы, билеты в театр и даже ювелирные украшения. От колец Нина отказывалась сразу.

– Вы поймите, – терпеливо объясняла она. – Никто до конца не знает природу биоэнергии моих ладоней и пальцев. Но я проверяла – любой металл на пальцах, от железа до золота, забирает энергию.

– А брошку с изумрудом возьмѐте? – с трепетом спрашивала очередная пациентка, боясь потерять целительницу, которую все за глаза называли Вѐдъма^чкой.

– Возьму, – не стеснялась Нина.

В детстве у неё не было ни одного украшения. У мамы из «безделушек» только обручальное кольцо, которое она в память о погибшем муже, никогда не снимала. Отец Нины устроился на заработки на Дальний Восток – егерем. Там его и застрелили браконьеры. Матери выплатили компенсацию в размере оклада и выписали содержание по потере кормиль-

ца. Хватало на три буханки хлеба, десятка яиц и пары детских колготок.

Теперь в шкатулке Нины горкой лежали драгоценные брошки, браслеты, заколки, кулоны и прочие цепочки, собранные «на чёрный день». Грели душу.

Склонив голову, проснувшаяся Фифа смотрела на Хозяйку влажными миндальными глазами и пыталась прочесть её мысли.

Только Ивану я безразлична, – решила для себя Нина и окончательно заснула.

* * *

В Заозёрск поезд прибыл в восемь вечера.

Скормив собачке котлету, Нина отвела её в купейный туалет. Привыкшая к унитазу Фифа с удовольствием пописала, смешно перебирая задними лапами.

– Ш-шкоро будет свобода, – пообещала Нина, неся собаку обратно в купе.

– Ниночка! – в купе заглянула проводница и просительно заглянула в глаза. – У меня за восемь часов побелело пятно. Вот.

Она оттянула ворот синей форменной рубашки и стало видно пятно, с побелевшим пятном в виде отражения пальцев. – Я час назад не поверила своим глазам.

– Угу, – согласилась Нина.

– Сколько я тебе должна? – с энтузиазмом спросила проводница.

– Нич-шего не нужно, – отвела руку с купюрой Нина. – Просто я ценю хорош-шее отношение.

Чуть размахнувшись, Нина ударила ладонью по пятну.

– А сколько всё-таки стоит такое... что б без пятна?

– Двеш-ти. – Ответила Нина, трогая распухшую щёку. – Ж-жалко сама себя не могу леч-шить.

– Всего-то двести долларов? – улыбалась кубышечная проводница.

– Тыш-чать. – Призналась Нина. – Три тыш-чать долларов.

Сложив папку, проводница села на койку.

– Знаешь, Ниночка, ты, когда опять в Москву поедешь, не бери билеты, я тебя обязательно бесплатно провезу.

– Договорилис-шь, – согласилась Нина.

– Пойду я, – поспешила проводница. – Пассажиров про-вожать и отчётность делать.

Еле протиснувшись в дверь купе, проводница-кубышка оглянулась.

– Я буду ждать тебя, Ниночка.

* * *

Надев дублёнку и шапку, Нина быстро замотала шарфом собаку и вышла в коридор вагона. В узком пространстве, тес-

новатом ей в бёдрах, Нина столкнулась с поджидающими её Усманом и Тариком. Первым, на правах давнего знакомого, заговорил Усман.

– Привэт, Нина. Нас ждёт машина, куда тебя подвэсти?

Мужчины были одеты в дорогие дублёнки, обувь блестела кремом, причёски прилизаны волосок к волоску.

– Я ш-шама доеду, ш-шпасибо.

Утеплённая Фифа грозно тьякнула на мужчин несолидным голоском.

– А бэз шарфа на голове ты ещё красивее – заулыбался Усман. – Скажи свой адрес, я заеду.

– Нет. – Покачав головой, Нина решила быть невежливой. – Лучш-ше заходите в кафе «Рюмка водки на ш-штоле». Там работает моя тётя.

Тарик стоял молча, с упоением разглядывая Нину. А она ждала, когда мужчины первыми пройдут в тамбур. Не болела бы так десна, Нина, оттоптав джигитам ноги, развернулась бы и вышла на платформу из следующего вагона. Сейчас сил не было и она, зная, что задевает мужчин грудью и бёдрами, прошла в тамбур.

За спиной остались липкие взгляды и сбившееся мужское дыхание. Прижатая к груди Фифа, переняв настроение Хозяйки, вела себя смирно.

Спрыгнув со ступенек вагона на ночной перрон, Нина для начала тыркнулась в дверь вокзала. Дверь была заперта.

К желанию исчезновения боли в щеке, прибавилась

нестерпимое желание *писать*. Обойдя здание и не найдя ничего похожего на нужный объект, Нина пошла в самый тёмный привокзальный угол. Там она обнаружила дощатый сарайчик с табличкой «туалет», но и он был заперт. На груди под дублёнкой билась в желании освободиться Фифа.

«Лучше пусть лопнет моя совесть, чем мочевой пузырь», – вспомнила Нина прекрасную русскую поговорку и завернула за сарайчик... Судя по запаху, не она одна решилась здесь присесть. У Фифы таких комплексов не было, и она тут же написала в снег.

Из чувства брезгливости Нина прошла чуть дальше. Присесть пришлось прямо в сугроб, ощутив между ног подмёрзший наст весеннего снега. А каково Фифе с её тонкой кожей, если ей пришлось устроиться всем пузом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.